

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

**международная летняя школа
по русской литературе**

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

ЛИРИКА КАК РОД ЛИТЕРАТУРЫ:
СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В статье будет идти речь о нескольких стереотипных представлениях, которые подчас сопровождают изучение лирики как рода литературы вообще и современной лирики в частности, причем как на уровне наивного читателя, так и в высказываниях людей, более или менее связанных с литературой, литературной критикой и литературоведением. Хотя в название работы вынесено громкое слово «опровержение», хотелось бы скорее проблематизировать некоторые теоретико-понятийные построения, которые подчас рассматриваются как априорно верные и используются некритически.

Главным стереотипом по отношению к лирике является выделение субъективности как родоопределяющего критерия. В этом случае лирика понимается как род литературы, сосредоточенный на сугубо личных переживаниях, как род литературы, имеющий своим предметом прежде всего душевные устремления и обязательно привязанный к авторскому «я». Эпос же в данном случае понимается как объективный род литературы, структура эпического произведения не подразумевает активное включение авторского сознания.

Субъективность подразумевает наличие в лирическом произведении тематической сосредоточенности на субъективном индивидуально-авторском опыте, т. е. на воспроизведении одного единственного субъекта сознания, который в большей или меньшей степени оказывается связан с субъектом речи, явленным в структуре текста. Но в чем же тогда заключается различие между лирикой и эпосом?

Если тематически лирическое стихотворение обращается сугубо к событиям внутренней жизни лирического субъекта, то исследователь может рассматривать субъективность в качестве родообразующей критерии. Но когда взгляд лирического субъекта обращается вовне, а не внутрь, рассматривает внеположенное по отношению к сознанию самого автора насущное бытие, возникает вопрос о том, насколько может субъективность считаться свойством исключительно лирики. Каждое художественное произведение порождается сознанием автора, которое субъективно по своей природе, хотя бы эпистемологически, любое произведение авторской литературы субъективно вне зависимости от его родовой принадлежности. Если считать субъек-

тивность родоопределяющей категорией, то «Капитанская дочка» по сравнению с «Историей Пугачевского бунта» может считаться лирическим произведением (Вспомним высказывание М. И. Цветаевой: «Был Пушкин — поэтом. И нигде он им не был с такой силой, как в “классической” прозе “Капитанской дочки”»¹).

Очевидно, что субъективность не является родообразующим критерием. Представляется, определяющим для лирики является особый тип высказывания — лирическое высказывание. Это словосочетание приобрело статус терминологического благодаря частотному его использованию в критике последних лет, где поднимается вопрос о возвращении в поэзию т. н. «прямого лирического высказывания», что связывается с отходом от эстетики московского концептуализма и утверждением «ренессанса искренности». Однако ни в одной работе данное понятие однозначно не определяется. Часто можно встретить следующее понимание этого понятия: прямое лирическое высказывание — поэтическое высказывание, в котором акцентируется однозначная и прямая привязанность субъекта речи к реально-биографическому автору. В таком случае считается, что оно позволяет избавиться лирическому поэту от давления «чужого» слова, от рефлексивного восприятия письма. Подобный подход представляется неточным: лирическое высказывание никогда не есть акт прямого говорения, адресант лирического высказывания двусубъектен по своей природе, он являет собой триадическое неразрывно-неслиянное образование, состоящее из голоса индивидуально-авторского «я», действительного непосредственно связанного с биографической, личностной природой автора, и второго голоса, являющегося рефлексивным по отношению к первому. Именно наличие второго голоса делает высказывание субъекта речи художественным лирическим высказыванием, а не житейско-бытовым говорением от первого лица, облаченным в поэтическую форму. Лирика характеризуется соединением в голосе говорящего, «отправителя» сообщения-лирического стихотворения двух голосов: голоса авторского, человеческого «я» поэта и некоего всеобщего голоса, отстраненного от первого и смотрящего на него как на объект познания. Лирика создает напряжение между двумя субъектами, т. н. субъект-субъектное напряжение (термин С.Н. Бройтмана), которое в итоге приводит к рождению лирического высказывания. Вспомним высказывание И. Бродского о «Реквиеме» А. Ахматовой: «Но ведь действительно, подобные ситуации — арест, смерть (а в “Реквиеме” все время пахнет смертью, люди все время

¹ Цветаева М. И. Пушкин и Пугачев // Цветаева М. И. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 2. С. 354.

на краю смерти) — так вот, подобные ситуации вообще исключают всякую возможность адекватной реакции. Когда человек плачет — это личное дело плачущего. Когда плачет человек пишущий, когда он страдает — то он как бы даже в некотором выигрыше от того, что страдает. Пишущий человек может переживать свое горе подлинным образом. Но описание этого горя — не есть подлинные слезы, не есть подлинные седые волосы. Это всего лишь приближение к подлинной реакции. И осознание этой отстраненности создает действительно безумную ситуацию»¹.

Доля первого и второго субъекта в итоговом лирическом высказывании может варьироваться в зависимости от особенностей авторской поэтической системы, объем каждого из голосов может бесконечно стремиться как к нулю, так и к абсолюту, но при этом никогда не исчеза полностью и не оставаясь единственным в высказывании. Заметим, однако, что подобная двусубъектность вовсе не исключает существование доподлинно внешнего по отношению к обоим субъектам объекта познания, изучения, осмысления. Природа второго голоса определяется культурно-историческим контекстом, в целом двусубъектный адресант определяется эпистемологически. В этой определенности заключается сходство лирики с другими родами литературы, но в отличие от них лирическое высказывание — повторим — всегда двусубъектно.

В работах, сопоставляющих поэзию московского концептуализма и поэзию «ренессанса искренности» и разрабатывающих мысль об утверждении в рамках поэтики последней прямого лирического высказывание (в неточном его понимании), проводится идея о том, что современная русская лирика своим появлением обязана поэзии московского концептуализма. Это также вызывает вопросы. С одной стороны, безусловно, после поэзии, начисто лишенной привязанности к индивидуально-авторскому сознанию пишущего, поэзия, в структуру высказывания которой включается авторское «я», может трактоваться как выстраиваемая в оппозиции к предшествующей традиции. Но с другой стороны, представляется, что московский концептуализм и современная поэзия «тридцатилетних авторов», ныне являющихся уже сорокалетними, не могут восприниматься как две ступени поступательного литературного развития. Поэзия московского концептуализма не является лирической поэзией: в ней нет ни субъектно-субъектного напряжения, ни субъектной рефлексии, нет взаимопроникновения двух голосов — индивидуально-авторского «я» и рефлексирующего над-я — в слове, также как и нет перехода от простой рефлексии к акту субъектного самосознания. Для авторов-

¹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2006. С. 463—464.

концептуалистов субъект речи их текстов — это объект заверщенного познания, это персонаж, герой, существование которого может быть описано как концепт, а не как подлинное бытие. Отношения между авторским сознанием и героем текстов являются субъект-объектными, а не субъект-субъектными, как в лирике. Получается, что поэзия московского концептуализма — доподлинно эпическая, в том смысле, что из структуры высказывания полностью исключен голос индивидуально-личностного «я» автора. Современная же поэзия является лирической, но говорить о том, что в неё по сравнению с поэзией московского концептуализма вернулось «сознание автора», можно только с учетом того, что сравнивается не явления одного порядка, а два различных рода литературы: эпос (в котором голоса индивидуально-личностного «я» автора и не должно быть) и лирика.

Тем не менее в субъектной организации московского концептуализма, ленинградской поэзии и т.н. «поэзии тридцатилетних», действительно есть основание для сопоставления, заключающееся в метаморфозе привычной субъектной структуры высказывания, но воплощающееся, как мы уже выяснили выше, в текстах разных авторов по-разному. Сходство же их заключается в повышенном внимании к существованию другого, но при сущностном различии подходов к этому существованию. При анализе поэтических текстов современных авторов становится очевидно, что их субъектная структура характеризуется вхождением в сферу индивидуально-авторского сознания сознания Другого. Материал современной поэзии позволяет сделать вывод о выдвигении типа субъектной организации произведений, которая подчиняется формуле «я есть / равно другой». Однако при таком повышенном внимании к сознанию другого такие авторы, например, как Е. Шварц, Г. Дашевский, Д. Воденников, т. н. «новоэпические» авторы не «пишут имиджами», для них сознание другого не есть концепт, не есть объект заверщенного познания, а субъект. Такой тип организации лирики подразумевает неразделенность субъекта и объекта восприятия, адресанта и адресата лирического высказывания, размытость границ между голосом индивидуально-личностного «я» субъекта лирического высказывания и внеположенным ему духовным и материальным бытием. В лирике последней трети XX — начале XXI века выдвигается тенденция отождествления поэта — не условно-поэтического, а субстанциального — с другим сознанием, с другим существом. Голос индивидуально-авторского «я» субъекта лирического высказывания или разомкнут, или стремится снять оппозицию между внутренним и внешним миром. Приобретая такое свойство структуры лирического высказывания, современное лири-

ческое стихотворение не отказывается от своей родовой принадлежности. Но таким образом лирическое стихотворение отвечает не на вопрос «каким видится лирическому субъекту мир?», но на «что есть лирический субъект?», то есть акцент с проблемы герменевтической переносится на проблему онтологическую.

Безусловно, разные способы присутствия лирического субъекта в стихотворении присутствовали и в классической отечественной поэзии, но универсальность субъектной структуры стихотворения, организованной по принципу «я есть другой», позволяет говорить об общекультурном кризисе индивидуального сознания, замыкающегося только на самом себе, что не становилось устойчиво повторяющимся и основополагающим предметом рефлексии поэтов-предшественников. Более того, представляется, что современная литература отличается общим стремлением увидеть Другого, общей «лиризацией». Это может, согласно С. Н. Бройтману, происходить в основном за счет мифопоэтических построений. В одной из своих работ Бройтман говорит о трех эпохах литературного творчества: о литературе субъектного синкретизма, о литературе риторических поэтик и об эпохе индивидуально-авторских стилей. Представляется, что относительно литературы последней четверти XX в. можно говорить о смещении эпохи индивидуально-авторских стилей, вытесняемой стремлением к архаике, движение к которой имеет целью уход от моноструктурности и моноцентризма. Это выражается, во-первых, в усилении субъектного синкретизма, во включении Другого в рамки индивидуально-авторского существования, т.е. «лиризации» литературы. Основание для этого дает, например, материал драматургии Е. Гришковца, творчество авторов «новой драмы» и другие произведения. Во-вторых, моноструктурность преодолевается за счет «нелинейного системного высказывания», которое не подразумевает окончательно утверждаемую автором истину, но систему посылок, из которых читатель самостоятельно должен сделать вывод, т.е. принимая активное участие в создании художественной действительности. Вопрос о том, кто в таком случае является субъектом сознания, является открытым — им может быть любой из живущих в этом мире. Отличие от постмодернистской картины мира в данном случае заключается в том, что постмодернистский мир оказывается обесмыслен, в отличие от мира, создаваемого современными авторами, мира, действительно существующего по мифологическим законам, где художественное произведение не воспринимается как текст, как вымысел, сказка, мистификация, а как равноценное и равнозначное насущному бытию.